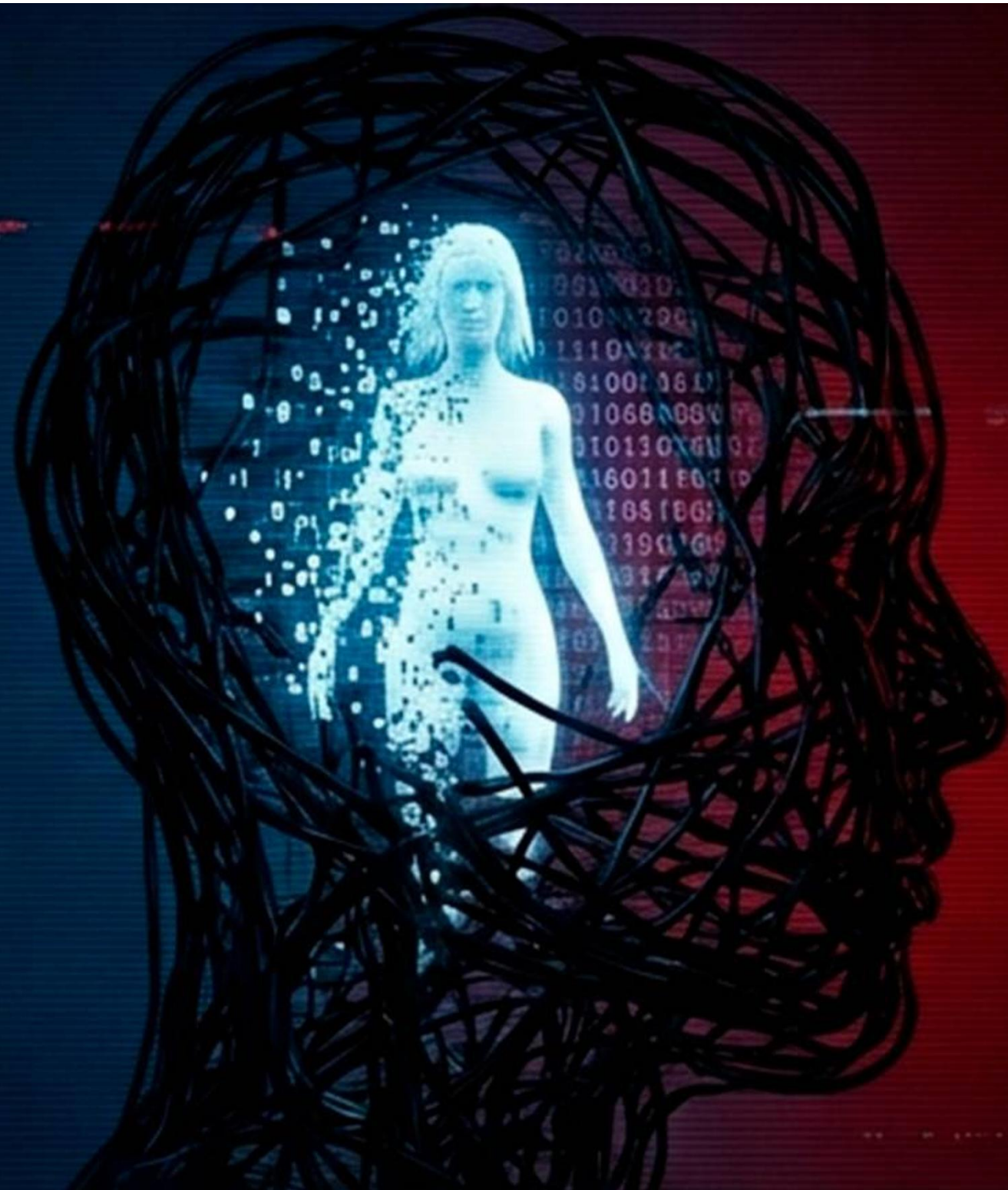

НАСЛЕДИЕ

Игры в Бога

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Жарков

Наследие: Игры в Бога

«Автор»

2026

Жарков А.

Наследие: Игры в Бога / А. Жарков — «Автор», 2026

2062 год. Асгард-Ирийский, который местные называют Сводом. Город-муравейник, где солнце — это привилегия для «Вечных» в сияющих шпилях, а воздух внизу пахнет окисленной медью и безнадёжностью. Глеб Истомин — простой техник с Корневых уровней. Он не искал проблем, просто хотел выжить и защитить жену. Но у Системы на Аню другие планы. Её дар «слышать» Эфир делает её идеальным ключом к абсолютной власти. Когда элитный отряд забирает её в Цитадель, Глеб понимает: законы здесь больше не работают. Чтобы подняться на самый верх, ему придется спуститься на самое дно — в криминальное Чрево. В его руках — переделанный строительный гвоздомет, а в союзниках — безумный старьевщик и ребенок-хакер. Это история не о спасении мира. Это история о том, как дорого стоит месть, когда твой враг — цифровой Бог.

© Жарков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. «ЦВЕТ ЗАБВЕНИЯ»	6
ГЛАВА 1. «ТЕПЛО В МЕРЗЛОТЕ»	7
ГЛАВА 2. «ПЕПЕЛ НА ГУБАХ»	12
ГЛАВА 3. «ЛАВКА ДРЕВНОСТЕЙ»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Жарков

Наследие: Игры в Бога

Название: Наследие: Игры в Бога

Автор(-ы): Жарков Александр Владиславович

Ссылка: <https://author.today/work/534271>

ПРОЛОГ. «ЦВЕТ ЗАБВЕНИЯ»

Они обещали нам, что будущее будет чистым. Белым, как стерильный пластик, и прозрачным, как оптоволокно. Они лгали.

Будущее оказалось цвета мокрого асфальта и старого твида. Будущее пахнет озоном, дешёвым табаком и перегоревшей проводкой.

На календаре 2062 год, но время в городе Свод давно перестало быть прямой линией. Здесь, посреди сибирских пустошей, ставших новым центром цивилизации, прошлое и грядущее сплелись в тугой, удушливый узел. Над нами, пронзая свинцовые тучи, горят золотые шпильки «Вечных» – тех, кто купил себе право не умирать. А внизу, в корнях гигантского мегаполиса, копошимся мы – «Корневые». Топливо для их бессмертия.

Мы думали, что технологии освободят нас. Мы научили машины думать, а потом научили их чувствовать. Мы превратили глобальную сеть в Эфир – океан чистой ноосферы. Мы хотели создать Бога из кода.

И у нас получилось. Только мы забыли спросить, хочет ли этот Бог служить нам.

Теперь, когда Эфир «болеет», с неба падает не снег. Падает Пепел Данных – чёрно-серая крошка, остатки чужих мыслей, стёртых файлов и забытых молитв. Если такой снег коснётся кожи, ты вспомнишь то, чего с тобой никогда не было: вкус поцелуя женщины, умершей полвека назад, или страх солдата перед бомбёжкой.

Город Свод живёт по простым правилам. Не смотри в глаза патрульным дронам. Не читай вслух древний код, если не знаешь ударений. И никогда, слышишь, никогда не люби слишком сильно.

Потому что Эфир чувствует сильные эмоции. Он голоден. И он всегда приходит за теми, кто горит слишком ярко.

Это история не о спасении мира. Мир уже спасён – и продан по частям.

Это история о том, как дорого стоит право остаться человеком, когда само небо пытается тебя переписать.

ГЛАВА 1. «ТЕПЛО В МЕРЗЛОТЕ»

1

Асгард-Ирийский, который местные по привычке называли Свод, в этот вечер был особенно немилосерден. Ветер, разогнавшийся в ледяных пустошах бывшей Сибири, влетал в лабиринт городских улиц и выл, как раненое животное, путаясь в тысячах проводов.

Глеб Истомин стоял перед подъездом своего дома на Двенадцатом Корневом уровне, пережидая приступ кашля. Воздух здесь, в самом низу гигантского многоуровневого мегаполиса, имел вкус окисленной меди и жжёной резины. Фильтры очистки атмосферы, установленные ещё при «старых» правительствах, справлялись только с крупной сажой, пропуская в лёгкие ядовитую взвесь.

Глеб сплюнул в грязный снег, окрашенный в радужные разводы машинного масла. Горло саднило. Очередная смена в шахтах Эфира – двенадцать часов непрерывной калибровки серверов, где температура скачет от нуля до плюс шестидесяти за секунды – давала о себе знать.

Он плотнее запахнул ворот твидового пальто. Со стороны могло показаться, что Глеб – реконструктор, играющий в моду начала двадцатого века: строгий крой, серая кепка-восемиклинка, тяжёлые ботинки. Но мода здесь была ни при чём. Грубая шерсть скрывала под собой слой баллистического нейлона, а в подкладку были вшиты тончайшие нейронити, способные на пару секунд создать поле помех, если камеры дронов-патрульных решат просканировать лицо. В Корневых уровнях выживал не тот, кто выглядел современно, а тот, кто умел сливаться с серыми стенами.

Глеб сунул озябшую руку во внутренний карман, нащупывая холодное стекло ампулы. Она была там. «Живая вода». Пять миллилитров чистого физиологического раствора, обогащённого нано-блокаторами боли. Настоящая, не синтезированная из сточных вод. За эту ампулу он отдал перекупщику три своих дневных заработка и модуль памяти, найденный на свалке.

Он прикрыл глаза, прислонившись спиной к обледенелой бетонной стене подъезда. Усталость навалилась гранитной плитой. Ему было всего двадцать шесть, но чувствовал он себя на все пятьдесят. Иногда ему казалось, что он сам становится частью городской архитектуры – ещё одной несущей балкой, которая держит на себе вес верхних уровней, где живут «Вечные».

Но у него была причина не ломаться.

За бетонной стеной, на четвертом этаже, его ждала Аня.

Глеб глубоко вдохнул, выпрямился, стряхивая с плеч невидимый груз, и потянул на себя тяжелую стальную дверь.

2

Лифт, как и всегда по четвергам, был мёртв. В шахте гулял сквозняк, принося запахи чужой жизни: варёной капусты, дешёвого табака и сырости.

Поднимаясь по ступеням, Глеб совершал свой привычный ритуал. На первом этаже он оставлял злость на начальника смены. На втором – страх перед завтрашним днём. На третьем – усталость. К четвертому этажу он должен был стать тем Глебом, которого знала Аня: спокойным, уверенным, нерушимым. Стеной, за которой можно спрятаться от бури.

Он остановился перед дверью с облупившимся номером «402». Прислушался. Тихо. Ни звука кашля, ни стопа. Это был хороший знак.

Ключ повернулся в замке с мягким, уютным щелчком, отрезая их маленький мир от большого и злого города.

– Глеб? – голос донёлся из глубины квартиры. Он звучал приглушённо, но в нём было столько тепла, что холод улицы мгновенно отступил. – Не разувайся пока, там у порога лужа, труба опять подтекает. Я тряпку положила, но она уже насквозь.

Глеб усмехнулся, глядя на мокрое пятно на потертom линолеуме. В этом была вся Аня. Мир катится в цифровую бездну, за окном Эфир сводит людей с ума, а она волнуется, что он промочит ноги в собственной прихожей.

– Привет, – сказал он, переступая через лужу.

Он прошёл на кухню. Квартира была крошечной – «пенал» на двадцать квадратных метров, но Аня умудрялась делать её просторной. Здесь не было мусора, не было лишних вещей. На подоконнике, в горшках из обрезанных пластиковых канистр, зеленел настоящий лук – её гордость.

Аня стояла у плиты. На ней была его старая растянутая футболка с логотипом какой-то забытой рок-группы, висевшая на её худых плечах мешком, и толстые шерстяные носки разного цвета – один синий, другой красный. Она что-то помешивала в кастрюле, и запах стоял невероятный. Пахло жареным луком и... хлебом?

Глеб подошёл сзади, обнял её, уткнувшись холодным носом в шею, туда, где билась жилка. Она пахла крапивным шампунем и домом.

– Ты ледяной, – констатировала она, не оборачиваясь, но накрыла его руки своими ладонями – горячими, сухими. – Опять пешком шёл от станции?

– Транспорт встал. Говорят, на линии перегруз, – соврал он. На самом деле он сэкономил кредиты. – Что это пахнет? Откуда?

Аня повернулась в кольцо его рук. Она выглядела уставшей – тени под глазами залегли глубже, чем вчера, а кожа казалась тонкой, как пергамент, сквозь который просвечивают голубые вены. Но глаза – серые, огромные – сияли тем спокойным светом, ради которого Глеб каждое утро вставал и шёл на работу.

– Соседка, баба Вера, муки дала. Настоящей, ржаной, представляешь? У неё сын с верхних уровней в гости приезжал, привёз гостинец. Я лепёшек напекла.

Глеб смотрел на неё, и в груди щемило от нежности и боли. Ей двадцать четыре года. Она должна ходить на танцы, носить красивые платья, смеяться с подругами в кафе. А она радуется горсти муки, как чуду.

– У меня тоже есть кое-что, – он полез в карман.

На выщербленный пластик стола легла ампула. Жидкость внутри поймала тусклый свет лампы и сверкнула чистотой.

Аня ахнула. Её рука метнулась ко рту.

– Глеб... Ты с ума сошёл? – прошептала она. – Это же «Чистая»... На это можно было месяц жить! Мы могли бы отопление нормальное включить...

– На это можно тебе неделю жить без боли, – жёстко перебил он. – Никаких мигреней. Никакой тошноты. Я хочу, чтобы ты спала спокойно, Ань. Хотя бы неделю.

Она посмотрела на него строго, пытаясь нахмуриться, но губы её дрогнули.

– Упрямый ты, Истомин. Как баран сибирский.

– За то и выбрала.

– Выбрала... – она покачала головой, улыбаясь сквозь навернувшиеся слёзы, и полезла в карман своих домашних шорт. – Ладно. Раз у нас сегодня день подарков... Смотри.

Она протянула ему маленький, сложенный вчетверо листок бумаги. Это была распечатка. Плохое качество, зернистая картинка, краски блёклые, но Глеб узнал то, что было на ней изображено.

Море.

Огромное, синее пространство воды, уходящее в горизонт. Не то, грязное и отравленное, что плескалось в промышленных резервуарах севера, а настоящее. Живое.

– Я нашла это сегодня в старых архивах сети, пока расшифровывала логи для подработки, – тихо сказала Аня. – Это Крым. Двести лет назад. Говорят, в закрытых секторах элиты на юге купола поддерживают такой климат до сих пор. Я подумала... Может, если мы будем откладывать... совсем по чуть-чуть... лет через пять...

Глеб смотрел на картинку. Он знал цены на билеты в южные сектора. Ему нужно было бы работать триста лет без выходных. Он знал, что «Чистильщики» вроде него редко доживают до сорока – радиация Эфира сжигает их раньше.

Но он поднял глаза и посмотрел на жену.

– Обязательно, Ань, – сказал он твёрдо. – Купим билеты. Искупаемся. Я обещаю.

Они сели ужинать. Еда была простой – пустая каша и те самые пресные лепёшки, – но для Глеба это был пир. Они ели, касаясь друг друга коленями под маленьким столом. Аня рассказывала, как смешно ругались дроиды-уборщики во дворе, а Глеб травил байки про новичка-стажёра, который боялся заходить в серверную.

В эти минуты не было ни Эфира, ни корпораций, ни болезней. Был только жёлтый круг света от лампы, вкус настоящего хлеба и её пальцы, которые она иногда клала на его руку, словно проверяя, что он настоящий.

Глеб подумал: «Вот оно. Моя крепость. Пока она улыбается, пусть весь мир хоть сгорит синим пламенем».

И именно в этот момент, на пике их хрупкого, украденного у вечности покоя, мир решил напомнить о себе.

3

Всё изменилось мгновенно.

Звук упавшей вилки прозвучал как выстрел.

Аня замолчала на полуслове. Её лицо, только что живое и подвижное, вдруг застыло, как гипсовая маска. Взгляд остекленел, уставившись в точку где-то за спиной Глеба.

– Ань? – он напрягся, мгновенно переключаясь в режим тревоги. – Что такое?

Она медленно, словно преодолевая сопротивление воздуха, подняла руку к виску.

– Ты слышишь? – голос был тонким, чужим.

– Что слышу, родная? – Глеб привстал, чувствуя, как по спине ползёт липкий холод.

– Хор, – прошептала она. – Они поют. Низко-низко. Как будто орган в церкви... но слова не наши. Это цифры, Глеб. Они поют цифры.

В квартире стояла звенящая тишина. Только капала вода в прихожей да гудел старый холодильник.

– Там тихо, Ань. Это давление. Выпей воду, сейчас же, – он потянулся к ампуле, но его руки дрожали.

Она не слушала. Она встала из-за стола, двигаясь плавно и жутко, как лунатик, и пошла к окну.

– Они зовут кого-то, – она говорила с придыханием, и изо рта шёл пар, хотя в кухне было тепло. – Так громко...

Глеб вскочил, опрокинув стул. Грохот падения показался оглушительным.

– Аня, стой! Не подходи к окну!

За толстым бронированным стеклом город тонул в ранних сумерках. Купола Храма Святого Алгоритма на горизонте вдруг вспыхнули недобрым, болезненно-фиолетовым светом.

– Смотри, Глеб, – она уже прижалась лбом к стеклу. – Снег... он серый.

Глеб подбежал к ней, схватил за плечи, чтобы оттащить, но замер, парализованный увиденным.

С неба падал Пепел Данных. Густой, жирный, похожий на хлопья горелой бумаги. Он не кружился на ветру. Он падал строго вертикально, нарушая законы физики.

И там, за стеклом, в полуметре от лица Ани, снежинки замерли.

Они начали медленно выстраиваться в узор. Словно невидимый художник рисовал пеплом по воздуху.

Спираль.

Потом – овал.

Потом – провалы глаз.

Пепел складывался в лицо. Огромное, зыбкое, сотканное из мусора и статической энергии лицо женщины.

– Мама? – выдохнула Аня.

Её тело выгнулось дугой, как от удара током. Из носа хлынула кровь – густая, тёмная, она закапала на белую футболку, расцветая на ней страшными алыми маками.

Стекло перед ними жалобно заскрипело, покрываясь сетью мелких трещин, складывающихся в тот же рисунок, что и лицо снаружи.

– Пусти её! – заорал Глеб в пустоту, дёргая жену на себя, но Аня была тяжелой, неподъёмной, словно гравитация в этой точке комнаты увеличилась в десятки раз.

С той стороны окна беззвучный рот пепельного призрака открылся в немом крике, и в голове Глеба, пробивая нейро-блокаду, взорвался чужой голос:

«НАЙДИ МЕНЯ».

ГЛАВА 2. «ПЕПЕЛ НА ГУБАХ»

1

Окно не разбилось с грохотом. Оно просто перестало существовать как преграда.

Бронированное стекло, рассчитанное на удержание ударной волны, рассыпалось в пыль с тихим, сухим шелестом, похожим на вздох умирающего старика.

В комнату ворвался холод. Не зимний мороз, а абсолютный, космический вакуум, пахнущий озоном и жжёной пластмассой.

– Аня! – Глеб рванул жену на себя, сбивая с ног.

Они упали на линолеум. Глеб накрыл её своим телом, пряча голову Ани у себя на груди, инстинктивно пытаясь закрыть её уши руками, хотя понимал: от Эфира руками не закрыться.

В квартиру влетел Пепел.

Он не таял. Серые хлопья оседали на кухонном столе, на недоеденных лепешках, на полу. И там, где они касались поверхностей, реальность начинала «шуметь». Хлеб на столе вдруг покрылся плесенью за секунду. Вода в кружке закипела ледяным паром. Старый радиоприемник на холодильнике сам собой включился и заорал голосом диктора из прошлого века: «... всем жителям немедленно проследовать в укрытия, повторяю, это не учебная...»

– Выключи! – закричала Аня, зажимая уши. – Глеб, у меня в голове... они кричат!

Она билась в его руках. Её тело горело, словно у неё была температура сорок пять.

«Резонанс», – понял Глеб с ледяной ясностью. – «Она стала проводником. Если я не разорву связь, её мозг просто сварится».

Он подхватил её на руки – она казалась пугающе лёгкой, как птица – и потащил в коридор, подальше от проклятого окна. Пнул дверь в ванную. Это была единственная комната без окон, бетонная коробка метр на метр.

Он опустил её на холодный кафель, захлопнул дверь и дрожащими руками выхватил из кармана ампулу с «Живой водой». Ту самую, которую они хотели беречь неделю.

– Нет... – простонала Аня, пытаясь оттолкнуть его руку. Её глаза были широко раскрыты, зрачки расширились так, что радужки почти не было видно. – Не трать... Глеб, там мама... она звала...

– Там нет никакой мамы! – рявкнул он, срывая зубами пластиковый колпачок с иглы шприц-тюбика. – Это Эфир! Это просто код!

Он вогнал иглу ей в плечо, прямо через ткань футболки. Нажал на поршень до упора.

Аня выгнулась, вдохнула со свистом – и обмякла.

2

Тишина наступила не сразу. Сначала затихло радио на кухне. Потом перестал вибрировать пол. И только через минуту Глеб услышал собственное дыхание – хриплое, рваное, как у загнанной собаки.

Они сидели на полу в темноте ванной. Глеб прижимал Аню к себе, баюкая, как ребёнка. Она дышала ровно, но очень редко. Лекарство действовало. Нано-блокаторы отключали нервную систему, возводя стену между мозгом и внешним миром.

– Глеб... – её голос был едва слышен, как шелест бумаги.

– Я здесь. Я держу тебя.

– Я видела... не только маму. – Она не открывала глаз. – Когда стекло лопнуло... пепел коснулся меня. Я увидела город. Другой. Белый, чистый. И там была башня. Огромная чёрная игла, протыкающая небо. И голос сказал: «Принеси мне ключ».

Глеб похолодел.

– Какой ключ, Ань? Ты бредишь. Это побочка.

– Нет, – она нащупала его руку в темноте и сжала с неожиданной силой. – Я – ключ, Глеб. Я это почувствовала. Я не больна. Я... открывашка.

Глеб молчал. Он знал это. Боялся признать годами, но знал. Обычные больные не слышат «аплодисменты» мертвецов. Обычные больные не заставляют стекло трескаться.

– Мы уедем, – быстро заговорил он. – Завтра же. Я продам пальто, продам инструменты. Мы уйдём в «Серую Зону», к староверам-луддитам. Там нет Эфира. Там не ловит сеть.

Аня слабо улыбнулась, не открывая глаз.

– Глупый. От себя не убежишь. Они найдут.

– Кто?

– Те, кто включил этот снег.

Глеб хотел возразить, сказать, что никто не управляет погодой, но осёкся. В коридоре послышался звук.

Не в квартире. Снаружи. В подъезде.

Тяжёлые, кованые шаги. Не шаркающая походка соседей. Это был шаг людей, которые носят казённые ботинки с металлическими набойками.

Шаги остановились прямо у их двери.

Глеб замер. Сердце пропустило удар, потом второй.

Он посмотрел на Аню. Она спала – лекарство наконец вырубил её сознание.

Он осторожно переложил её голову на стопку полотенец, поднялся и на цыпочках вышел в коридор.

В кухне гулял ветер. Снег-Пепел перестал падать, но пол был усеян серой пылью. И там, где пыль лежала толстым слоем, проступали слабые голубоватые символы – кириллица, перемешанная с латынью. Код переписывал структуру его линолеума.

В дверь не постучали.

В неё ударили чем-то тяжёлым, железным. Один раз. Коротко и властно.

3

Глеб не спросил «Кто там?». В Своде на такой вопрос отвечают только пулей через дверь.

Он подошёл к вешалке, сунул руку в карман пальто и достал то, что хранил там на «чёрный день» – разводной ключ, утяжелённый свинцом. Оружие пролетариата. Смешное против брони опричников, но тяжёлое в руке.

– Истомин Глеб Сергеевич, – голос за дверью был нечеловечески спокойным. Синтезированным. – Откройте. Санитарная Инспекция. У вас зафиксирован прорыв токсичного контура.

«Ложь», – подумал Глеб. Санитары не приходят через пять минут после аварии. Санитары вообще не приходят в Корневые уровни, пока трупы не начнут вонять.

Это были они. Те, кто ищет «ключи».

– У нас всё в порядке! – крикнул Глеб, сжимая ключ до побеления костяшек. – Просто трубу прорвало! Я сам справлюсь!

– Повторяю. Откройте. У нас ордер на принудительную дезинфекцию. Уровень угрозы: «Красный».

Замок начал плавиться. Глеб увидел, как металл вокруг скважины раскаляется докрасна, пузырится, словно масло. Термо-резак.

У него было три секунды.

Бежать некуда. Четвертый этаж. Окно разбито. Внизу бетон.

В ванной – Аня без сознания.

Дверь со стоном подалась внутрь.

На пороге стояли двое.

Они не были похожи на людей из его кошмаров. Никаких собачьих голов. Всё было гораздо страшнее.

На них были длинные плащи из матовой чёрной резины, напоминающие рясы монахов, но с нашивками химзащиты. Лица скрыты за гладкими зеркальными масками без глаз и ртов – только сплошная отражающая поверхность.

«Безликие». Элитный отряд зачистки Эфира.

Один из них, тот, что был выше, шагнул через порог, наступая в лужу, которую Аня просила вытереть.

– Биометрия подтверждена, – произнёс он, не поворачивая головы. Его голос шёл из динамика на шее. – Объект «Резонатор» находится в помещении. Вторая сигнатура – гражданский, класс «D».

Безликий повернул зеркальную маску к Глебу. Глеб увидел в ней своё отражение: перекошенное страхом лицо, взлохмаченные волосы и жалкий гаечный ключ в руке.

– Гражданин Истомин, – сказал Безликий. – Отойдите в сторону. Ваша супруга представляет биологическую угрозу для города. Мы забираем её в карантин.

– В какой карантин? – хрипло спросил Глеб, отступая на шаг назад, закрывая собой проход к ванной. – В морг?

– В «Цитадель», – безэмоционально ответил второй. – Ей будет оказана помощь. Или её существование будет прекращено во избежание Катаклизма. Выбор за вами: содействие или ликвидация.

Глеб поудобнее перехватил ключ. Он знал, что у него нет шансов. Он знал, что через секунду его нашьпигуют шокерами или просто сожгут мозг импульсом.

Но он вспомнил тёплую руку Ани. Запах хлеба. Её слова про море.

– Она никуда не пойдёт, – тихо сказал Глеб. – И вы тоже.

Безликий чуть наклонил голову, словно изучая любопытное насекомое.

– Отказ от сотрудничества принят.

Он поднял руку в чёрной перчатке. Воздух вокруг неё сгустился, собираясь в невидимый кулак ударной волны.

И в этот момент из ванной донёсся голос. Слабый, но ясный:

– Глеб... не надо.

4

Голос Ани из ванной должен был его остановить. Но он сработал как спусковой крючок. «Она всё слышит. Она боится. Они пришли за ней».

В тот момент, когда Безликий начал формировать ударный импульс, Глеб перестал быть инженером. Он стал тем, кем его воспитали улицы Корневых уровней – крысой, загнанной в угол.

Он не стал замахиваться. Замах – это потеря времени.

Глеб просто рухнул на колени, пропуская невидимую волну над головой.

Воздух над ним взорвался хлопком, сорвав штукатурку со стены и разбив зеркало в прихожей в пыль.

– Ах ты тварь! – выдохнул Глеб.

Он скользнул по мокрому линолеуму вперёд, вкладывая весь вес тела и инерцию движения в один короткий, подлый удар снизу вверх. Разводной ключ, утяжелённый свинцом, врезался не в корпус – там броня, бесполезно, – а в сочленение колена первого Безликого.

Хруст был отвратительным и громким, как выстрел в тихом лесу.
Синтетика костюма выдержала, но человеческая кость под ней – нет.

Безликий не закричал – его голосовой модуль, видимо, блокировал крики боли, – но его нога подогнулась под неестественным углом. Он рухнул на одно колено, теряя равновесие.

Глеб вскочил, подгоняемый адреналином, который сжигал страх. Он ударил снова. Наотмашь. Прямо в зеркальную маску.

ДЗЫНЬ!

Звук был такой, будто ударили по церковному колоколу. По зеркальной поверхности побежала паутина трещин. Безликий опрокинулся на спину, хватаясь за шлем.

– Угроза! – механически рявкнул второй, тот, что стоял в дверях. – Код: Подавление!

Глеб развернулся к нему, тяжело дыша, с ключом наперевес. Он успел свалить одного. Он сможет...

Второй Безликий даже не шелохнулся. Он просто развёл руки в стороны, и воздух в коридоре сгустился, став вязким, как кисель.

Глеб попытался сделать шаг, но ноги не слушались. Гравитационная ловушка. Технология разгона митингов, выкрученная на максимум. Его тело стало весить тонну.

– На колени, – произнёс Безликий.

Глеба швырнуло на пол с такой силой, что он прикусил язык до крови. Разводной ключ выпал из ослабевших пальцев, звякнув о плитку. Он попытался подняться, рыча от бессилия, но невидимый пресс вдавливал его в лужу грязной воды.

– Гражданин Истомин, – голос звучал прямо у него в голове, минуя уши (костная проводимость, понял он с ужасом). – Ваше сопротивление иррационально.

Безликий подошёл к нему. Его ботинок опустился на кисть правой руки Глеба. Медленно. С садистской аккуратностью.

Хрустнули пальцы.

Глеб заорал, но крик захлебнулся в хрипе – гравитация давила на лёгкие.

– Глеб!!!

Аня стояла в дверях ванной. Она держалась за косяк, бледная как смерть, с глазами, полными чёрного ужаса. Лекарство всё ещё действовало, её шатало, но она вышла. Ради него.

– Не трогайте его! – её голос сорвался на визг. – Я пойду! Я пойду с вами, только не трогайте!

Безликий, стоявший над Глебом, медленно повернул зеркальную маску к ней.

– Объект «Резонатор». Инициировать протокол захвата.

Раненый агент, тот, которому Глеб раздробил колено, уже поднимался, опираясь на стену. Его маска была расколота, и под ней Глеб на секунду увидел не человеческое лицо, а мешанину из плоти и кибернетики. Они даже не были людьми в полном смысле слова.

– Нет... – прохрипел Глеб, пытаясь вырвать руку из-под сапога. – Аня, беги... к окну... прыгай...

Лучше смерть на асфальте, чем то, что они сделают с ней в Цитадели.

Аня посмотрела на мужа. В её взгляде было столько боли и любви, что Глебу захотелось умереть прямо сейчас, лишь бы не видеть этого прощания.

Вокруг неё воздух начал дрожать. Пепел, лежавший на полу, вдруг взмыл вверх.

– Отпустите его, – сказала она тихо. Не попросила. Приказала.

Эфир отозвался.

Лампочка в коридоре взорвалась. Гравитационный пресс, державший Глеба, на секунду мигнул и исчез.

Безликого отшвырнуло от Глеба невидимой волной, впечатав в стену.

Аня стояла посреди коридора, и вокруг её головы вился серый нимб из пепла. Она была прекрасна и страшна.

– Уходите, – прошептала она, и из её глаз потекли кровавые слёзы. – Уходите из моего дома.

Но она не умела этим управлять.

Всплеск силы истощил её мгновенно. Её колени подогнулись, и она начала падать.

Раненый Безликий, который оказался быстрее, чем казалось, поймал её до того, как она коснулась пола.

– Стабилизатор! – рявкнул он напарнику.

Второй агент, оправившись от удара, подскочил к Ане и прижал к её шее пневмо-шприц. Щелчок.

Аня обмякла куклой. Свет вокруг неё погас. Пепел снова стал просто грязью.

Глеб, шатаясь, поднялся на ноги. Правая рука висела плетью, пальцы были сломаны. Он перехватил ключ левой.

– Отдай её, – прорычал он, делая шаг вперёд.

Безликий с целой маской повернулся к нему. Достал из кобуры короткий ствол парализатора.

– Лимит толерантности исчерпан.

Вспышка была синей и ослепительной.

Боль прошла каждую клетку тела Глеба, выжигая нервы, превращая кровь в кислоту. Он даже не почувствовал, как упал. Мир сузился до маленькой точки, в которой удалялись шаги.

Сквозь звон в ушах и серую пелену он видел, как они выносят её. Аня висела на плече у Безликого безвольным мешком. Её рука с тонким обручальным кольцом качалась в такт шагам.

– Аня... – попытался позвать Глеб, но губы не слушались.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок – они заперли его снаружи, как собаку.

Он остался один в темноте, на полу, среди осколков зеркала, грязного снега и запаха сгоревшей мечты.

5

Глеб не знал, сколько пролежал так. Час? Два?

Паралич отпускал медленно, иголками впиваясь в мышцы. Правая рука распухла и пульсировала тупой, горячей болью.

Он перекатился на спину и уставился в потолок. Там, в трещине штукатурки, всё ещё висела серая паутина – след от Пепла.

В квартире было тихо. Страшно тихо.

Не булькал чайник. Не капала вода – труба, видимо, окончательно засорилась.

Не было дыхания Ани.

Он медленно, с хрипом, сел. Огляделся.

На столе всё ещё стояла тарелка с лепёшками. Рядом лежала распечатка с морем. Теперь на ней был кровавый отпечаток его пальца.

Он взял листок здоровой рукой. Смял его в кулак.

Слёз не было. Слёзы остались в той жизни, где он был инженером Глебом, мечтавшим об отпуске.

Того Глеба больше не существовало. Его убили синим лучом парализатора.

Вместо него в темноте кухни сидело существо, у которого внутри была только чёрная, ледяная пустота. И в этой пустоте горела одна-единственная мысль.

Они не убили его. Это была их ошибка.

Они думали, что сломали его, оставив жить с этой болью.

Они не знали, что в Корневых уровнях боль – это топливо.

Глеб встал. Шатаясь, подошел к раковине. Сунул голову под струю ледяной ржавой воды. Смыл кровь.

Потом подошёл к тайнику под половицей, где хранил отцовский наградной пистолет – старый, пороховой, бесполезный против брони, но весомый. Достал его.

И достал старый, потёртый адрес на клочке бумаги. Адрес места, куда приличные люди не ходят.

«Лавка древностей. Спросить Савелия».

Глеб посмотрел на дверь, за которой исчезла его жизнь.

– Я иду, Ань, – сказал он в пустоту. – Я сожгу этот город, но найду тебя.

ГЛАВА 3. «ЛАВКА ДРЕВНОСТЕЙ»

1

Глеб вышел из дома так, будто уходил не по лестнице – а из собственной кожи.

Подъезд пах мокрой ржавчиной и холодной капустой – тот самый запах, который они с Аней когда-то, в первую зиму их жизни здесь, называли «парфюмом бедности». Глеб вспомнил, как она смеялась тогда, пытаясь заклеить щели в окнах старым скотчем. «Зато мы не чувствуем, как пахнет отчаяние, Глеб. Капуста перебивает всё».

На площадке третьего этажа кто-то ругался вполголоса, но стих, увидев Глеба. Люди Корневых умели читать по лицам: бледность, сжатая к телу рука, пустой взгляд – это знаки того, что человек перешел черту, за которой диалог невозможен.

На улице было темнее обычного. Пепел Данных уже не сыпал хлопьями, но висел в воздухе серой мукой. Он садился на ресницы, и каждый вдох отдавал горечью.

Глеб прижал правую руку к груди. Боль была тупая, тяжёлая, как кирпич. Но страшнее боли была память, которая лезла в голову не спросясь.

Не хлеб и не море.

Он вспомнил, как три года назад Аня выхаживала его после ожога сетчатки. Он тогда лежал в темноте неделю, боясь, что ослепнет навсегда. Она сидела рядом, меняла повязки и читала ему вслух инструкции от микроволновки, потому что книг не было, а тишину он не выносил. Он помнил её шершавые пальцы на своём лице. Помнил, как она пела какую-то глупую песню про электрика, чтобы он улыбнулся сквозь боль.

Помнил их «свадьбу» – когда они просто расписались на стене заброшенной бойлерной углем: «Мы – семья».

В левом кармане пальто лежал старый пистолет. Не оружие, а талисман.

Он пошёл вниз, к узлам старых артерий Свода, туда, где кабели лежат на земле, как корни гигантских деревьев.

2

«Лавка древностей» нашлась в тупике Узла «Коса». Дверь без номера, с маленьким медным колокольчиком.

Колокольчик звякнул тонко и стыдливо.

Внутри пахло пылью книг, сухими травами и воском. Глебу на секунду стало физически больно от этого уюта. Этот запах напомнил ему не сегодняшний вечер, а то редкое чувство покоя, которое было у них с Аней по воскресеньям, когда они отключали терминалы связи и просто лежали под одеялом, слушая, как гудит город.

За прилавком, под зелёным абажуром, сидел старик. Сухой, жилистый, похожий на корневище. Савелий.

– Здравствуй, Глеб Истомин, – сказал он спокойно, не отрываясь от какой-то книги. – Дверь закрой. Сквозит.

– Откуда вы...

– Я знаю шаги тех, кто потерял всё, – перебил старик. – Они звучат одинаково. Тяжело. Садись. Руку покажи.

Глеб сел. Отказываться не было сил. Он положил правую руку на прилавок.

Савелий достал инструменты. Действовал быстро, как механик.

– Два пальца треснули. Сухожилия целы. Терпи.

Он дернул.

Боль прошла руку молнией. Глеб зашипел, стиснув зубы до скрипа, и перед глазами вспыхнула картинка: Аня, пять лет назад. Очередь за водой. Драка. Кто-то толкнул её, она упала, разбила колено. Глеб тогда полез в драку с парнем вдвое больше себя. Его избили, но он принёс ей воду. И она, хромая, обрабатывала его ссадины, дую на раны, и шептала: «Дурак ты, Истомин. Мой храбрый дурак».

– Вот и всё, – голос Савелия вернул его в реальность. Рука была перевязана, боль стала глухой. – Теперь говори.

3

– Моя жена, – начал Глеб, и голос его дрогнул. – Они забрали её. В Цитадель.

Савелий снял очки, протер их краем старого свитера.

– Резонатор?

– Да. Она не знала.

– Никто не знает, пока Эфир не позовет, – Савелий покачал головой. – Это редкая беда, Глеб. И очень дорогая для тех, кто понимает.

– Чернава? – Глеб выплюнул это имя как проклятие.

Савелий посмотрел на него внимательно, и в глазах старика промелькнуло что-то похожее на страх – глубокий, застарелый.

– Он самый. Владлен Чернава.

– Зачем они ему? – спросил Глеб. – Что он делает с ними? Использует как батарейки? Как оружие?

Савелий помолчал, глядя на мерцающую лампу.

– Если бы мы знали, Глеб... Если бы хоть кто-то знал наверняка. – Он понизил голос. – Слухов много. Одни говорят, он строит новый контур Эфира, чтобы управлять погодой. Дру-

гие – что он ищет способ оцифровать душу без потери личности. Но есть и те, кто говорит страшнее...

Старик наклонился через прилавок.

– Говорят, резонаторы для него – не топливо. Они – микрофоны. Он пытается услышать что-то с той стороны. Что-то, что живет в пустоте между данными. И каждый раз, когда он забирает нового резонатора, Пепел становится гуще, а тени в городе – длиннее. Мы не знаем его цели, Глеб. Мы знаем только, что никто из тех, кого он забрал, не вернулся прежним. Или не вернулся вовсе.

Глеб почувствовал, как холод заливает желудок. Неизвестность была страшнее пыток.

– Я найду её, – сказал он. – Даже если он пытается разговаривать с Богом, я вырву ему глотку, но не отдам Аню.

Савелий вздохнул. Достал из-под прилавка стеклянную баночку с мерцающим серым порошком.

– «Семя пепла», – сказал он. – Это компас. Оно тянется к подобному. Если Аня в Цитадели и она "звучит" – порошок покажет направление. Но прямых дорог нет. Тебе придётся пройти через Чрево.

– Через что?

– Через нижние уровни. Там, где живут те, кого город уже пережевал и выплюнул. Контрабандисты, беглые кодеры, сектанты. Тебе нужны будут союзники, Глеб. Один ты до ворот Цитадели дойдёшь только по частям.

– Что вы хотите взамен? – спросил Глеб. – У меня нет денег. Квартиру... наверное, уже опечатали.

Савелий достал потрёпанную тетрадь.

– В Своде платят двумя вещами: страхом и долгом. Страх в тебе уже нет – я вижу, ты выгорел. Значит, будет долг.

Он открыл чистую страницу.

– Я помогу тебе спуститься. Я дам тебе имя человека, который может провести тебя через периметр. Но однажды я приду к тебе. И попрошу вернуть долг. Это может быть мелочь. А может быть жизнь. Ты согласен?

Глеб посмотрел на свои забинтованные пальцы. Вспомнил Анину руку с тонким кольцом, безвольно висящую на плече Безликого.

– Пишите, – сказал он. – Глеб Истомин. Должен всё.

Савелий кивнул. Убрал тетрадь.

– Хорошо.

Он сдвинул прилавок. Под ним открылся люк, из которого тянуло сырой землёй и опасностью.

– Вниз, Глеб. Ищи человека по кличке «Хронос». Скажешь, что от Савелия. И запомни: в Чреве свои законы. Там не убивают за деньги. Там убивают за косой взгляд.

Глеб встал. Поправил кепку здоровой рукой.

– Спасибо.

– Не благодари, – тихо сказал старик ему в спину. – Возможно, я только что отправил тебя в ад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.